

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. ПОЛЬША

Войцех Пестка

Войцех Пестка. Стихи для грошки

СТИХИ ДЛЯ ГРОШКИ

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

*Перевод с польского
Сергея Морейно*

ВОЙЦЕХ ПЕСТКА

Стихи для Грошки

Русский Гулливер

В основе издания лежит сборник стихотворений:
Wojciech Pestka. Dziesięć wierszy dla Grosza, Polihymnia, Lublin 2005

Войцех Пестка. Стихи для Грошки.
Русский Гулливер, Москва 2013. – 88 с.

INSTYTUT KSIĄŻKI

Книга выпущена при поддержке

польского «Института Книги»

©POLAND

(Программа переводов ©POLAND)

Переводчик выражает благодарность
Европейской коллегии переводчиков в Штралене
и Международному дому писателя и переводчика в Вентспилсе

STARPTAUTISKĀ RAKSTNIEKU
UN TULKOTĀJU MĀJA

EÜK : *Straelen*

Идея серии – Олег Асиновский и Вадим Месяц
Составление, перевод – Сергей Морейно
Редактор – Наира Хачатрян
В оформлении обложки использованы граффити
Os Gêmeos (Близнецов) в Вильнюсе, 2008
Фотографии – Натали Морейно

Польский поэт Войцех Пестка (Wojciech Pestka, 1951) «дебютировал» дважды – в 1976 году, а затем в 2005-м. Долгое время он, по причине запрета на занятие преподавательской деятельностью, работал на земле: пахал, сеял, разводил птицу и строил свой дом – не на песке. Однажды он сравнил стихи Збигнева Херберта с сухой и чистой костью, а стихи Чеслава Милоша, в свою очередь, с костью сочной, где есть немного мяса для страждущих... Стихи же самого Пестки напоминают отполированное временем и ветрами дерево, которое неожиданно пустило побеги и зацвело.

© Войцех Пестка, тексты, 1976–2008

© Натали Морейно, фото, 2010

© Сергей Морейно, перевод, 2013

© Русский Гулливер, издание, 2013

ISBN 978-5-91627-107-2

– *содержание* –

– *простая беседа* –

сумрак	9
старухи	10
долгими вечерами...	11
жена говорит	12
дом	13
сцена...	14
простая беседа	15
Халине Посвятовской	16
под утро	17
придут, начнут	18

– *вот бы позволено было* –

мне некуда	19
лабиринт осени	20
не ведают обо мне	21
учить английский	22
нежелание быть кем-то другим	23
фрагмент чего-то большего	24
у застекленных врат рая	25
воскресенье на прудах	26

тернии холода	27
напиши мне, Грошка	28
выставка фотографий national geographic	29
бесконечность слова «люблю»	30
наглое слово	31
приношу Грошику дары, не будучи волхвом	32
кто я	33

– десять стихотворений для гроша –

в Кракове	34
она, отражение в воде	35
Грош покупает обувь	36
Грош выбирает крем для новых ботинок	37
возьми меня за руку	38
краткое письмо такому-то...	39
Грошка не собирается со мной в рай	40
суждение Грошки о любви	41

– терпкий ежевичный привкус –

сверчки	42
терпкий ежевичный привкус	43
стихи о клубнике	44
...во время поста	45
Грош от избытка чувств дарит ветку ивы	46
семь таинств	47
мои мечты	48
море забвения	49
мое здесь и твое там	50
серый смертельный голубь	51
Грошка в ситуации кризиса	52
разговор о разлуках	53
одинокая ветвь восходящего солнца	54
догмат веры	55
Грошка, белый ландыш мороза	56
пропасть женского рода	57

с Грошем в парке	
перед дождем, которого не было	58
– <i>завтрак с Гамлетом</i> –	
треугольник	59
более-менее – порнография	60
говорят	61
завтрак с Гамлетом	62
рута, маргаритка, фиалки	63
день оборотня или Корнелий, придворный	64
придорожный бар	66
поминание – описание	67
– <i>Темная заутреня</i> –	
Темная заутреня I–V	70
приватное стихотворение о снеге	75
прогулка по Старому городу	76
линия жизни или CV	77
о кулинарии с любовью	78
– <i>прогулка по канату</i> –	
стихотворение о пешем переходе	79
и стал свет	80
прогулка по канату	81
натюрморт с тарелкой	82
возможно, кислотный дождь на заре	83
за окном	84
приглашение на танец	85
прости мне	86

сумрак

этот день нарекаем постным
вон как
в пыли на ветру трепещет
а ветер все возвращается на кру́ги
мягкую ткань собирает в складки

видишь те усталые лица
длинные пряди тени
глаза стосковались по пламени
рты растушеваны влагой
ветер
ветер

посмотри
как трепещет серая юбка дня
вот так
посреди разговора
промеж слов
клубочком завивается сумрак

старухи

старухи старухи
сплетены из вен
и морщин
оливообразны
вплывают в поле зрения
так важны
в своем непокое

они столь близки
к моменту развязки
за которым уже падают зубы
столь мудры
что не ведают профиту
от мудрости
в своем непокое

долгими вечерами...

долгими вечерами

в резной тени
вырастают улочки
каббалистические знаки крыш
обращенные встреч ливням

обращаются ставни
оборачиваются дверями

жена говорит

жена говорит мне
вот мне не нравится твой живот
ничего живот твой не означает
загадки в себе не таит
на стихи твои непохож
всегда был далек
от замыслов и озарений

мне даже
то не нравится
что ходишь в грязных сорочках

ДОМ

сложенный над языком кострища
не уверенный в окнах
дверях
распятый на тягах горизонта
неуверенный
оттуда ли ты возвращаешься

и туда ли
уходишь

сцена...

Збышеку

сцена
с ухом приложенным к самым подошвам ног
к расхристанным костылькám
в которые ударяет бич света

софиты
фильтрующие воздушные токи
рампы слов

полная шлюзов
сглатывающих огонь
в котором ты
движешься
все уверенней
бросая слова
всё ниже
ниже

простая беседа

уже три
шорох
тени в углу
фразы комом в горле

беседа
мохнатеют уши

еще раз
разворачиваем плечи
сравниваем наши лица

Халине Посвятовской

споткнулась грозно накренились световые подмостки
опустила руки ни к чему они в этом походе
отпустила ноги
лишь только волосы по-дорожному стянула узлом
под языком шевелилась барда страха
всем тропинкам следовала всем простенкам
к берегу этому что плещется на ветру
чересчур глубоко вращая под кожу воздуха
эшафот света возник по-над веками так внезапно

под утро

под утро
тишина
подрумянивается
ракушками фарширована

придут, начнут

придут
распустят вопросы
в белом ведре с водой
скажут
зашли погреться

начнут
явно одолевать пространство
обратный отсчет шагов
покуда пыл их
не саданет в ребро
не остудит

придут начнут

мне некуда

*не могу жить среди виноградников все здесь чужое
Збигнев Херберт «Возвращение проконсула»*

Мне некуда возвращаться
Хоть тут меня вряд ли что держит
Могу
С прохладцей достойной лучшего часа
Остаться
Выскрести из пор сомненье
С презрением размышлять о жизни
Глядеть в небо на звезды
Молчать говорить

Там меня не будет

Тут я хоть как-то есть
С клеймами рыбы
На снулых глазах
С глухим брюхом бубна
В ухе

лабиринт осени

Нити бабьего лета лабиринт осени
Туда коридорами уходят поэты
Горбятся нагруженные
Стихами

Скорострельные луки метафор
Бесстыдные аналогии
Что до прочего
Коврик протираемый всяким сюда входящим

До первых снегов
До отпущенья грехов

не ведают обо мне

Они во мне все
Те что в пути
Те что уже добрались
И даже те что на старте
Им нужно то же что мне
Есть любить

Пиявят меня насквозь
Копьями крика
Заявляя свое появление
Ниоткуда
Зарастают мхом
К своему уходу
В никуда

И я в них был
Стану
Пусть и не ведают обо мне
Я прохожу берегом их присутствия

учить английский

Снова так много дел
Которые начать и кончить
Снова
Буду учить легкие фразы
Хочу пить Люблю тебя Засыпаю
Радуюсь
Пока сам не уверю в то
Что я вправе
Что случилось хотеть что удавалось любить
Ох как трудно

Буду учить английский

нежелание быть кем-то другим

Не хочется быть кем-то важным
Другим
Мне довольно
Стать спокойным
Склонившись над кружкой
Сквозь облако над чаем плывущего пара видеть Твое лицо
Грош
Не вспомнить ли
Словакии светлые взгорья
Высоко-высоко
Во Львове армянскую соборную церковь

А дальше желтая бездна
Сомкнется
За моими плечами

фрагмент чего-то большего

Ищу себя
Пробую найти хотя бы фрагменты
Чего-то большего

В это время другие
Ищут счастья
Теряются в поисках Атлантиды
Прогуливаются
По Млечному Пути

Не хватает времени
Не хватает порою сил
Чтобы быть
С ними

у застекленных врат рая

Субботним утром рай закрыт для любопытных
Мы с Грошкой останемся за дверьми
Врата откроются к определенному часу
Сейчас проверят вентиляцию кондишн аларм
Небо нужно беречь

Иначе во что же мы станем верить

Иначе как же мы будем любить

воскресенье на прудах

Воскресенье на прудах 7 марта
Эта дата разгладила будто лед
Плоскость поэтизма
В этот день сбивается очередность заметок
По мнению Грошки вселенная теряет цельность
Не дает шанса освоить или учесть
Ждет понедельника

Мы же держимся за руки словно год назад
По ту сторону вселенной
За голубым зеркалом равновесия

тернии холода

Иногда спрашиваю себя
Когда именно
Мир перестал внушать мне доверие
Пойди пойми
С чего вдруг
Действительность сделалась мнимой
И собственно как

Иногда мир представляется
Мне
Одиноким деревом
Чьи листья каждый растут в иных временных слоях
Свидетельствуя
Иную правду

Осень надевает линзы тумана
Терновый венец холода

напиши мне, Грошка

Напиши мне
Если сможешь
Мне так нужны эти несколько
Более или менее случайных слов
Так трудно выстроить
Мир
Располагая всего лишь
Парой SMSок
Даже если уже последний
Шестой
День творения

выставка фотографий national geographic

От воображаемых
Вовсе не спящих
Как подоконник с созревающими желтыми грушками
В паутинке гардины
На фоне мертвого пейзажа башен Кремля
Вовсе невообразимых

Власть отходит к иным правам
Грошу достанет быть и лоскутом снега
На разгоряченном лице
Лаской пустыни
Взглядом нежным
Сущностью женской

бесконечность слова «люблю»

Возьми меня за руку Грош
Чтобы ты могла
С начала
Сокрытого в первом слове
Поведать мне все
Я
Не жажду быть допущенным к тайнам
Рука моя так и
Обходится без слов
Я же напротив
Теряюсь когда она действует прямо
Бросаю на ветер слова
Которые она как волну гасит прикосновением
Или даю им выцвести в лучах солнца
На петле фразы
От точки
До бесконечности

наглое слово

Я
Слово наглое и вылощенное
С завидной легкостью передвигается в моем горле
Но все по-другому со словом
Ты
Безобразным оводом белым
С бесформенными крылами

Я прячу его от света
В сумерках глаз

приношу Грошику дары, не будучи волхвом

Грошик

Вот что я мог бы дать тебе

Себя

Несколько жалких стихотворений

Добавлю сюда листок

Дикой груши который случайно

Упал мне за ворот прошлым летом

И может неслышную литанию

Спокойно остывающей крови

Только-то

И

Запоздалое сжатие левой камеры сердца

Правда всё это у меня могут отнять

КТО Я

Кто я
Не суть важно
Столько разных серьезных вещей
Вопросов
На которые не знаю ответа
Если бы я мог как камень
Оковаться броней покоя
Или как березовый лист зеленый
Весне по-детски поверить

Вот бы мне позволено было
Зеркальным стать отраженьем
Или сонной фата-морганой знобкой пустыни
Тогда-то я знал бы кто

в Кракове

Когда б случилось нам оказаться в Кракове вместе
Мы б зашли на рынке в книжную лавку
Равнодушные к людским пересудам
Сели б на пол и почитали
В глазах друг у друга
Самую важную книгу

Когда случится оказаться нам в Кракове вместе
В Суkenницах мы обзаведемся серебряной ложкой
И разыгрывая на людях добрых знакомых
Съедем на рынке
Цветной капусты в соусе из сезамок
Чтобы обмануть любовный голод

Судьба это знаешь как погромная туча
В час грозы цветет
Маковым цветом

она, отражение в воде

Мечтательный взгляд бледное лицо
Она здесь
Хотя правду сказать нет ее
Не было раньше
Уж точно не будет и позже
Старательно учит иностранный язык
Не курит читает труды философов и поэтов
Разгуливает в таких китайских хлопковых маечках
Против всего восстает
Во все верит
Еще немного и бросит
Начнет
Это тоже есть нет

Не имеет
Значения даже дистанция
Наибольшая из невозможных
Достижимая между
Мужчиной
Женщиной

Небытием и началом

Грош покупает обувь

Грош покупает ботинки на зиму
Ее чувствительность к холоду
Не зависит от времени года
Хуже всего переносит холод сердца
При выборе полагается лишь на себя
Чтобы впоследствии ни о чем не жалеть
Отправляясь в тех ботинках за край
Означенный гласом рассудка
Не практикует любовной аскезы

Советов и подсказок не ждет
Прагматичности не практикует
Не ценит универсальных вещей
В пир и в мир и на всякий случай
Любит теплую бронзу сладкий мед
Или же карамельный оттенок грезы
В таких ботинках можно бродить во мгле
Млечный Путь принимая за мироздание

Природа ботинок непостоянна
Бывает семимильна а случается пятиструнна

Грош выбирает крем для новых ботинок

Грош выбирает крем для ботинок
Хочет сохранить их вечную молодость
По такому случаю не жалеет сил
Взвешивает причины и следствия
Глядя сквозь призму цвета кожи
Расы и веры в туманное будущее

Не ведает дорог судьбы
Не знает куда могут ее завлечь
Не знает какой оставят след

Рассчитывает
Что не обманут

возьми меня за руку

По самые запястья раскрытый пейзаж
Разговоры
Ландшафты солевых копей
Склоны пролитых слез
Настурции настроения
Небезопасные ущелья погоды
Что ни день привычный
И чуткий эпидермис губ
Постигающих чтение на ощупь
Послепраздничные
Танцы хромосом
Отшелушивание судеб
Тайные знаки от всадников апокалипсиса
Вплоть до змеиноного гнезда скользких страхов
Чешуи дрожи

Когда придет время
Возьми меня за руку
А дальше пусть
Падает семя сомнений
В желтую пропасть
Непостижимого

краткое письмо такому-то...

Грошик пишет короткое письмо
По-английски
Серебряным колечком закрепит его
На ножке почтового голубя интернета
Который пустится во имя любви
Вперегонки со светом

В письме этом Грошик выстраивает свой мирок
Втискивает туда деревушку которую хранит ее память
Рождественскую елку увешанную бусами девичьих
Мечтаний
Милое бабушкино лицо портрет брата
На самом верху собранный мной букет ромашек

Верит что не станет места в том малом мирке
Недобрым снам
Ужасу плывущему темной кровью
Слепящему зеркалу страха

Грошка не собирается со мной в рай

Грошка не собирается тратить субботу
На посещение рая
Не стоит того учитывая что ее покой
Словно серый лежачий камень
Лучше не бередить
И не трогать с места

Это не белый парк ороньский
Прихваченный обручем мороза
С доживающими свой век на сучьях
Брошенными часами

Рай не предназначен для влюбленных
Словно бражники чутьем ищут друг друга
Постов не держат используют запасные входы
Постоянно грешат любовью

Так что Грош не едет со мной в кущи рая
Священный камень покоя для нее как монета
Которой хочет откупиться от страха

суждение Грошки о любви

Беря за основу суждений тайные машины Леонардо
И малахитовую зелень в которую пруд оденется
К вечеру

Грошка затрагивает тему любви
Подобной кувшину для масла
В руках расторопной хозяйки
Утверждает что звезды ведают судьбой кувшина

Из слов которым позволено плутать в мыслях
Ибо только они источают свет в зеркалах множась
Выводит обратную связь меж пространством сердца
И замыслами грядущими
Киев для нее это час испытаний
Поэтому откладывает его в сторону слишком жжет глаза
Как названия непрочитанных книжек

Во всем вот в этом одна лишь только любовь пушиста бела
Малахитова

сверчки

Грошик, на полдник я заказал сверчков
Чтобы они нам играли

терпкий ежевичный привкус

Грош болеет
По самое горло
В гриппе
Не может отменить температуру
По телефону
Как некую неважную встречу

У Грбша
Комната в голове
Пляшет
А я не в силах удержать этот круговорот
Как обшарпанную карусель детства

У мыслей моих
Терпкий ежевичный привкус
На всякий случай
Осторожно собираю язычки пламени
Обломки звезд

А вдруг да сгодятся завтра

стихи о клубнике

Не получается написать стишок
О клубнике
Придать слову клубничную форму
Зернистую гладкость
Так чтобы тая под языком
Худо-бедно передавало
Мои старания сделать
Слово маняще красным
Вызвать небные судороги
Худо-бедно потешить зрение
Говорят мол сизифов труд
Несмотря ни на что ему было легче

Разве что Грошке
Шепну, дескать
На вкус она как любовь
Первая и последняя

...во время поста

Во время поста Грошка подвергает себя аскезе
Воздерживаясь от приятных вещей
Верит что лишенная лакомств жизнь
Любезна Господу
На всякий случай
Употребит одну шоколадку с адвокатом
Чтобы пронзительный запах греха держался
В воздухе
Аж до самого Судного дня

После этого вновь как беззащитный младенец
На белой от цветущей ветреницы лужайке

Грош от избытка чувств дарит ветку ивы

Ивы считает Грош являются старшими братьями
Поэтов, утопленников и брошенных деток
Это пограничный случай
Форма существования
Остающаяся в тесной связи с сутью
То же самое можно
Если верить манифестам
Сказать о висящем в окошке месяце

В его свете высыхают моря
А слезы приобретают сладкий вкус лимонада
Из апельсинов

семь тайнств

Давай предусмотрительно спрячем
Как в портмоне горсть мелких монеток
На черный день пару мгновений счастья
Чтобы не сорвались пчелиным роем
Не улетели золотой мерцающей тучей
И не закатились словно звезды за горизонт

Сложим их на полочку шкафа
Среди твоих платьев
Там ждет словацкая шоколадка
Чтобы наедине нам не стало горько
Когда-нибудь добавим туда пряничное
Сердечко
Запас любви да будет неисчерпаем

Затворим дверцы шкафа
А ты приложишь
К моим губам печать семи радостных тайнств

мои мечты

Мои мечты
О нас
Грошик
Похожи на воробьиную серую
Стайку

Ладонь в ладони
Строчек крошки
Света помтик на белой постели

Оттого-то
Их легко всполошить
Несдержанным поцелуем
Бог знает
Куда еще упорхнут

море забвения

Были с Грошиком на реке Радомке
Вода доходила нам до колен
Бродили подворачивая штанины
Не то чтобы большая но и не малая речка
В самый раз для нас
Особенного значения не имеющая
Влияниям не подверженная
Петлистым руслом текущая к предназначению

А предназначено ей тускнеющее на солнце море
Бесконечное
Забывтое
Море беспамятства

мое здесь и твое там

Ты там
Бываешь далека, бываешь близка
Грустна

Ручейком ртути
На камнях
Забывтой песней благословения
И звоночком света
Рубашкой тени
Томным бархатом ночи

Ты
Я

Мое здесь
Значит ровно то же
Что твое там
Грошик

серый смертельный голубь

Сказала мне
Что сегодня увидала
Как на зебре
Машина переехала голубя
Мы не знаем
Был ли это глашатай мира
Или гордый вестник войны
Так и так
Всего лишь горсть сизых перьев
Ведомых по жизни
Смертельной побудкой возвращенья
К родным местам
И жаждой ласки

Известно одно
Ему удалось воспарить
Над собой
А ведь был он смертен

Грошка в ситуации кризиса

Имеется множество драматичных ситуаций
В которых
Грошка
Не знает что делать
Слезы
Вот ее способ
Сообщить о своей беспомощности
Пред лицом необратимого
Чаще всего однако
Характер ее проблем не так фундаментален

Чаще всего
Эти слезы
Безгрешны
Как первый брошенный камень
Как на людях исповедь

разговор о разлуках

С той поры как Грош до работы добирается поездом
(Кроме тех дней когда утром подбрасываю ее на машине)
Местами которые отмечены роком
Таинственной силой вызывающей зуд и мигрени
Представляются ей вокзалы
С колючими именами
Лишенные иллюзий
Напоминают они голые склоны Голгофы
На которых случилось то
Что могло случиться

Все на свете есть игра на перроне воображения
Образ наполненный красноречивым молчанием
Плакучие березы
Будто сестры в светлых платьицах грусти
Пятница, киевский поезд
Взятый в кассе
Вместо билета
Стишок

одинокая ветвь восходящего солнца

Лето в этом году изобилует дождями
В этой же связи в саду болеют все яблони
Грошка сокрушена, любит яблоки
Как-никак плод, повлиявший
На судьбы мира

Недуг исходит из сердцевины
Поражает прочие виды растений, животных
Подло крадется ночью когда ослабевают чуткость
Проходит коридорами сонных мыслей
Тропой желаний
Его не испугают никакие границы

Годами существовал в скрытой форме
Споры его
Сохраняли видимость идеала
Меняли в зависимости от ситуации свой облик
Гладкая галька волнение по поводу будущего
Готовый к заклятиям нож добрых советов

Знак мора это гаснущая в воздухе
Веточка вишни
Восходящего солнца

догмат веры

Добрые люди умирают безгласно
Обыкновенно в результате инфаркта или сыпного тифа
Они спешат
Доброта их не вписывается в рамки
Выходит из берегов подобно реке
От нее не укрыться
Остается лишь верить
Что попадают на небо экспрессом

Злые люди живут безнаказанно и слишком долго
Цепляются крепко за жизнь
В конце концов умирают
Играя со смертью в классики
Попадают в покои вечности
С черного входа
Через дискотеку

И тех и других
Тихая греет надежда
Именуемая в быту
Догматом веры
Что по смерти поселятся
В отдельных бараках
Минным полем разделенные на злых и добрых

Не верят что рождены от женщин одних и тех же

Грошка, белый ландыш мороза

Белый ландыш мороза в воздухе
Серебряные звоночки
Ноябрь декабрь опять впереди целый год
Говоришь удираем в тот чужой и холодный рай
Наверняка поедим железным составом
Потом встретимся на предназначенной нам одним
Платформе
Или улетим самолетом как пугливые птахи
Будем искать друг друга

Встану вновь у костра и стану звать тебя
Языками пламени чтобы ты видел
Огненную розу, город в лихорадке горящих окон
Или косами дождя оплету тебя чтобы ты слышал
Что не плачу
Что жду

пропасть женского рода

Грошка размышляет о природе миров
В таком контексте ангелы являются реальными существами
Мужского пола
Зимой вместо шапок носят нимбы
Отнюдь не защищающие их от мороза
Так что у них постоянно отморожены уши
А красный нос придает сходство со снеговиками
Частенько гриппуют
Зато у них такой радостный смех
Как та улыбка что возникает на лице ее брата
Когда говорит о любви

В той же мере и сатана является
Для Грошки живым созданием
Вечно кутается в синий дым
И пахнет скверными папиросами
Однако душа у него чиста
Как водка которую пьют перед смертью
Выглядит будто изгнанный из рая птенец
Часто виден на подоконнике
Охвачен испугом, что не достанет воображения
Что понесло бы его как на крыльях

Между ними пропасть
Но именно она женского рода

с Грошем в парке перед дождем, которого не было

Ел сегодня мороженое
В ослепленном зелены парке
Давящимся пением птичьим
Берущем последнюю передышку
Вот-вот предполагался старт любовной мистерии
В первый раз за последние 122 года Венера
Пересекала солнечный диск
Пока искал урну
Пришел мне на память Тадек Геримский
Старый поэт из Ченстоховы
Его стихотворение о двух спичках
Которым не поджечь вселенную
Не заискриться созвездием
Не стать очередным инструментом
В космической машинерии
Как максимум прижавшись друг к другу
Проснуться
В элементарной коробке
Подкопченными нежностью

Еще искал точку
Место для нас
На раскаленной карте солнца

треугольник

В жизни твоей сейчас
Пусто
Все
Перенесено на завтра

В жизни моей сейчас
Пусто
Все уже случилось
Вчера

Тесная пятница
Суббота. Проза хлеба и колбасы
Воскресный колокол шок
Пусто
В телевизоре
Сплошное сегодня

Треугольник
Ты, я
Пик ужаса в качестве третьего
Элемента

более-менее – порнография

Менее, менее, нежели более, еще меньше

Почти ничто

Память

Замусоренное мертвое слово

Кожура тишины, опустелость

Суглинистость

Более, более, нежели ничто, вероятно, больше

Очевидность

Чего угодно

Обнаженная фигура речи

Порнография

говорят

Говорят
Сперва отказывает слух
Шкалки сбиваются
Щербатый водопад
Рушится
Первые круги разойдутся
Следующие
Затухнут
На пальчиках трав осядет
Свинцовое зеркало тишины

Говорят
После отказывает зрение
С первым заморозком
Опадает хвоя деталей
Линяет портрет на стене
Уйдут в тени цвета
Женщины
И другие
Не вполне значимые элементы
Впоследствии
Целые города, горы
Крупные, но второстепенные фрагменты
Скроются под холстом

Говорят
Обоняние функционирует безупречно
Правда, без осязаемой пользы

завтрак с Гамлетом

Принц

Жизнь оказалась для нас скверной пьесой
Вставленной по ошибке в тело письма, аномалией
Совершенствуемся
Шлифуем
Покуда грани не сходят на нет
В простую гладь

По каждому поводу у нас есть способы и манеры
Праздники
Кофе, сваренный в джезве
Без сахара, горячая сосиска
Области умеренной экспрессии, известия
Насущный хлеб, утренние зори, в общем-то

Наши мертвые покидают нас тупо и методично
Навсегда
Без возврата
Скашиваемые на лету

Потом
Суп с котом
Дробь азбуки, разбитое корыто дат
Вздых ветра

рута, маргаритка, фиалки

Всегда возможно продолжение, Офелия
Нетерпеливо наступает на пятки
Выжидает
Не обходит нас стороной
Не оставляет одних в лапах рока
Удача настигает его как раз в тот
Миг, когда распался предыдущий
Звучит кларнет расплаты
Всегда, везде и стоп крышка
Следует продолжение
Морщинится шкура на ударных

Вечно есть еще какой-нибудь он
Гамлет и серебряный иней паранойи
Разные варианты все той же сцены
Другие Офелии, Лауры, а также Евы
Рута, ромашка и первая маргаритка
Которую ты вряд ли вспомнишь
Подробности второго плана
О них умолчим
Не способны оценить их влияние
На ход событий

Единственно светлым и ясным
Остается остров
Твоего тела

Хрупкий фарфор нежности

день оборотня или Корнелий, придворный

Вышеупомянутый по имени
Корнелий, придворный
Его судьба, его заслуги нам неизвестны
Знаем только что не был
Не привлекался
Не употреблял из чаши предназначения
Вина истории, приправленного желчью

Один-единственный выход
Располагает ограниченным пространством
Посольства и чрезвычайных полномочий
Правом на одну реплику
Которое обычно использует
Что за камень он носит за пазухой
Бремя бури и брани, громкие тирады, речитатив
Предательский стилет скрыты от посторонних
Начинания не сворачивают
Из-за него свой ход

Чем руководствовался, куда обращался
В чем состоял его метод
Метод обеспечения присутствия
Тогда
Когда торчал за кулисами
Увы, никем не задокументированный

«Мы долг наш, как всегда, исполним точно»
Циклична, как морская волна, как полнолуние
Как вой пса
Жизнь, заключенная в этой фразе

Отличительная черта – гордость
Несомненно, оборотень

придорожный бар

На пересечении дорог с востока на запад
Из сегодня в завтра
От знали еще вчера до пребываем в неведении
Всё еще
Бар
Ты его не минуешь

Наша связь
Самая исключительная из всевозможных
Наш эксклюзив на автопортрет в зеркале
Наш ограниченный выбор. Из пива только «живец»
Из того, что не смогли съесть, холодный цыпленок
Надежды наши, наш обманутый голод, наш распаленный
страх
Ожидания наши
Одиночество наше
На этом точка

Пчела «отче наш» под черепом

Наше прости
Прощай

поминание – опись

Стефану Александровичу

...В итоге

Пара теряющих слух раковин

Рог – из оленьей короны

И книжка

В муаре кофейных пятен

Labour question, год издания 1882

В целом три жемчужины

Которыми тешится

Продавец подержанных слов

Напрасных вещей

Ласково называя их

Ракушки-сплетницы

Лакированный дружок, вожденная

Книжечка, моя зюзенька

К п. 1. ...ракушки

Их всего две

Рассвет и закат

Библейские братья-ратоборцы

Высшая и низшая меры

Римская лилия

И черная строка wordpower

Из ада

Последней нежности

Как в шахматах: вкл.

Полночь любви, выкл.

Белое каление ненависти

В их полифоническом поле

Весна

Жизнь, трава
И там же
Искаженная проказой опыта
И лет сионская горница
Покоя и полюсов
Противостояния
Это было всегда

К п. 2. *...рог*
Алмаз короны, в стаде
Полусвета и месяца
Знак оловянный об одной стороне
Со скорбной цифирью
Расхристанная гора
На которой ждал Моисей
Развязность женщин, старцев непорочность
Пустыня заповедей
Цветы не цвели
Лишь увядали дети
В песках Писания
Под пологом жара
Трепет набухшей мышцы
Семя жизни
Судорога
Это было всегда

К п. 3. *...книжка*
Мертвая мудрость твоих страниц
Нечитаемое наречие
Плоская пристань в заливе времени
Не слышно проповеди на горе
Не видно горы, собственно
Бездымный огонь не горит
На кусте смородины
Лишь воробьи смс-ок

Кружат над городом
...дядьку долбануло ручкой колодца с живой водой
синяк под глазом...
...умываю руки – Пилат...
...ваши варенья варятся
вечно...
И мы
В пламени ищущие избавления

Ни в нас ни после нас ничего
Прах
Это было всегда

Скупщик подержанных слов и вещей
Потирает руки
Водка, женщины, пойду отолью
Телесный триптих
Голод
Держит мертвых на расстоянии
По ту сторону стены
В засохших венках ухмылок
В янтаре молчания
В короне слез
В конечном итоге ракушечная ласка
Единорожки
Изуродованный веер книги

Спи
То, что было всегда – неправда

темная заутреня

*Как одиноко сидит город, некогда многолюдный!
Плач Иеремии, 1:1–4*

I.

С тех пор как ангелы говорят языком муки
Горьким языком бессонницы, голода
Воспаленного тела

Терпение дерева
Вздрыченного дождями и согбенного болью
Жалоба напряженной тетивы из овечьих кишок
Молитва копия
Цикады
В пустой жестянке Механизм времени
Подвижный рисунок плененной горы
Зеленой, как нежные чайные листья
Собранные на пажитях Иерусалима

Обожженный молчанием
Трепет комариных крыльев
Дрожит подбородок

Я здесь
Я иду

II.

Растерянность пропитала ладони
Вот руки, ищущие опоры в плечах
Ноги мои
Одна за другой остановлены на бегу
Схвачены в силки
В сети
Язык мой увяз
Слабость моя
Заплаканные глаза вечера смотрят
На виноградники
В день печали

Пятнадцать свечей выкликают мрак
Собор скорби растет в вышине надо мною

III.

Век наш давно отмерян
Мы больше не дети ни камня, ни бронзы
Ни ледяного железа
Ни ускользнувшего как последний
Поезд светила
В палатах песка теперь зацветает сырость
Смертельные росы

Мы дозрели до войн
Ритуалов казни
На руках морозная сыпь
Сестры наши нашли себе место в борделях
Отцы наши греются у не вечных огней
Где под башней
В садах тишины
Высыхают кости
На лагерном плацу
Находят утешение
Наставники наши
Пробуем постичь азбуку
В барабанах химчисток
Среди могильных плит
Складывая слово «люблю»
Изо мха
И плача

IV.

Степень спертого дыхания, степень колебаний

Высокое стаккато

Жалобный крик тормоза, щебет пули

Контрабас гнева

Материя низких нот

Белесо полотно

Страха

Флуоресцентные вспышки

За нашими плечами

Дрожит земля

Каждый день я просыпаюсь с Тобой

Бегу задыхаясь

Мое дыхание пульсирует

V.

Зачем же

Избранный словно Иов
Отыскиваю в межклеточном пространстве
Телесной органики
Соли, воды и животного жира
Твои следы
Любовные инструменты
Звуки, из которых рождается надежда
В осадках плазмы, в сплетениях мышц
В сосудах уныния
В обломках хромосом
В рваных волокнах
Белой ткани Твоего света

Обрати нас
К себе
Под деревом молчания
Пронеси мимо чашу гнева

приватное стихотворение о снеге

Стоял в пустом переулке
разговаривал с Грошкой по мобильному телефону
о снеге
который вечером
пришел на цыпочках
тихо

Сказала: имей терпение, жди
пиши письма, не звони, не высылай эсемесок

Кровь в моих жилах превращалась в снежинки
это снег
отвоевывал новые территории

прогулка по Старому городу

Рассеченный надвое листопад, пустой бар у рынка
ночь по колено
в протоке холода
в сети огней
кружит хриплое эхо, желтеет.
Город
застывает у нее за спиной

Грошка рассказывает об уходящем дне
разочаровании
покупках в пакете
о встречах, лишенных смысла, перчатках
торговле с миром и городом, о книжных развалах.
Ловит мгновение зябкой ладошкой
жизнь ее
стоит на одной ноге, как стеклянный тюльпан
с красным вином грусти

Думая о непрошеном утре
о дне
в заиндевелом плаще
что вот-вот наступит
ощущает песчинки под стопами утрат
трепет ртути
повторенный в зеркалах
висящих над баром

В такие минуты
ей открывается вечность
быстротечность, дверь, у которой завтра никто не встанет

линия жизни или CV

В грошкиной жизни
время не прыгает с камня на камень
не катится рекой
наугад
оно лишено плавности
ему не размотаться
нитью с катушки
или клубком
без конца и начала

Временами глядишь: топчется на месте
переступит с ноги на ногу
закружится
отдастся судьбе на волю
себе наперекор

Слезы тогда падают густо
одна подле другой

Прошедшие дни как оторванные пуговицы
внезапно делаются
чужды
далеки

о кулинарии с любовью

Грош на кухне готовит
журек
заглядывая под крышку кастрюли
как в кратер Везувия

А я мечтаю о море.
Мое воображение залегает неглубоко
почти на поверхности
между изолированной от необъятности
ложкой горечи
переполняющей море
и практически эфирной отрешенностью

Грош видит
в море бездну обетования
каплю любви
отлитую в совершенную форму

слезу

стихотворение о пешем переходе

Ехал по обледенелому хребту ночи
(пресмыкающейся, как ящерка замка-молнии)
рейсовым автобусом Варшава – Перемышль
навсегда опоздавшем в моих строчках

Ячень рассвета набухал под веком
пешком тащился на ту сторону
тянул за собой чемодан на колесах
все, что было и не повторится больше

На КПП истратил
почерневший час из болота ночи
ловил попутку до вокзала во Львове
смахивая рукой автомобильные фары

А там, в люминесцентной холе вокзала
с барным стульчиком вместо трона
вкусил я предназначения.
Робко
с яблоком на ладони

Но без короны

и стал свет

Была
первая песчинка
из нее выросла гора
первая слеза
из которой вытекло море
отдельные звуки
ты
я
сцепленные ладонями воедино

Слог
мы
ставший первоначалом вселенной

прогулка по канату

Не знаю, с кем ты гуляешь
с кем спишь, Джульетта
без разницы
для этой извечной истории
о настоящей любви

Не знаю
светит ли еще
вон та звезда
на небе ночном
исполненном черных дыр

Сейчас все по-другому
слишком поздно, помпезно
слишком дорого
даже дом в местечке
местечко в раю

Джульетта
как мне пройти
сохранив равновесие

По-над
долинами ночи
свист
паутинка света из-под запертой двери

натюрморт с тарелкой

Еще подходящий снимок на память
ты сделала его моим фотоаппаратом
стою на площади один-одинешенек
зажимаю ладонями накладные карманы
одолженной ветровки
– ветер
веет, холодно, за твоей спиной статуя Ленина

Здание позади меня вышло отлично
судьба сделала выбор, электроника перенесла фокус
на другой план

Натюрморт со зданием общественного пользования
и размытой секундой, которая не воплотилась
в расплывшихся глазах
на бетонной тарелке площади

возможно, кислотный дождь на заре

Книжка, читанная с конца
стертая монета под языком
недопитый чай

Требуется предлог
чтобы не возвращаться

Быть гораздо легче
чем не быть

В тени поникших слов
опрокинутого света
обрасти молчанием
ничего не помнить
не подавая рук

В побитом камнями городе счесть себя
стекловидным
радиоактивным облаком
бесплотным
загрязненным
изотопом

отсутствия

за окном

Мороз
сбивает птиц, подрезая им крылья
я один, лишь расхристанные воробьи
в парке
оскальпированные черешни и сливы
минные заснеженные поля меж стволами
полигон зимы, льды, неразорвавшиеся снаряды
за моим окном

За твоим...
если мы вместе
тепловой удар – форсированная атака
с кухни, из кровати, от абажура, с пола
десанты листьев, зеленая инвазия
эксплозия смутных ожиданий, материя солнца
парашютисты в ожерельях крыльев
лягушачьи командос, прилеты, отлеты...
(в качестве развития темы – осанна!)

За твоим окном
весна...

приглашение на танец

Этот жест
с которым я
склоняясь пред тобой
готовился ждать
в коридоре на проходной времени

Был итогом ничем не оправданных предпочтений
на перепутьях веков
доисторических опушках
всё решал случай – один из многих
мелькнувшая над выгребной ямой муха, синтеза и распада
лабиринты вдоль демаркационных линий
в окопах материи
им вторил тревожный шепот белка
потопы и ледники

Могли отказать тормоза
точка в конце фразы
оказывалась приговором
лужица океаном неодолимым
никто не ведал
обрушится ли на нас преждевременный метеорит
или меч

Танцуем
пускай ушли все трамваи
гасли звезды
росла над землей озоновая дыра

Но разве ты –
в курсе?

прости мне

*...Мои особые приметы
восторг и отчаяние
Вислава Шимборская, «Небо»*

Прости мне
что вижу мир столь нерезким
сквозь пергамент и кисею тени
это не вопрос принципов или морали
болят глаза, читаю медленно, работаю мало
танцую канкан на граблях
спотыкаюсь

Прости мне
что верю – наивно, нерасчетливо
в палочку, мечтающую стать мачтой судна
что возвращает меня из командировки
в дождь небо в луже прости, песчинку в сандалиии
веру в любовь – во сне сплетенные руки
в добрые
вечные, зеленые травы

Прости мне
такое короткое долгое
наше здесь и сейчас, наше там
наше завтра

Не прощай одних моих лет
чем ближе –
бегут всё быстрее

В серии ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА Русский Гулливер планирует выпустить книги Артура Алликсаара, Аны Бландианы, Улдиса Берзиньша, Иоганнеса Бобровского, Витаутаса Пятраса Бложе, Роберта Вальзера, Уве Кольбе, Чеслава Милоша, Эзры Паунда, Йозефа Петерки, Пентти Саарикоски, Пауля Целана, Хайнца Чеховского

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com

ISBN 978-5-91627-107-2

9 785916 271072

Грошик, на полдник я заказал сверчков,
Чтобы они нам играли...

GULLIVERUS